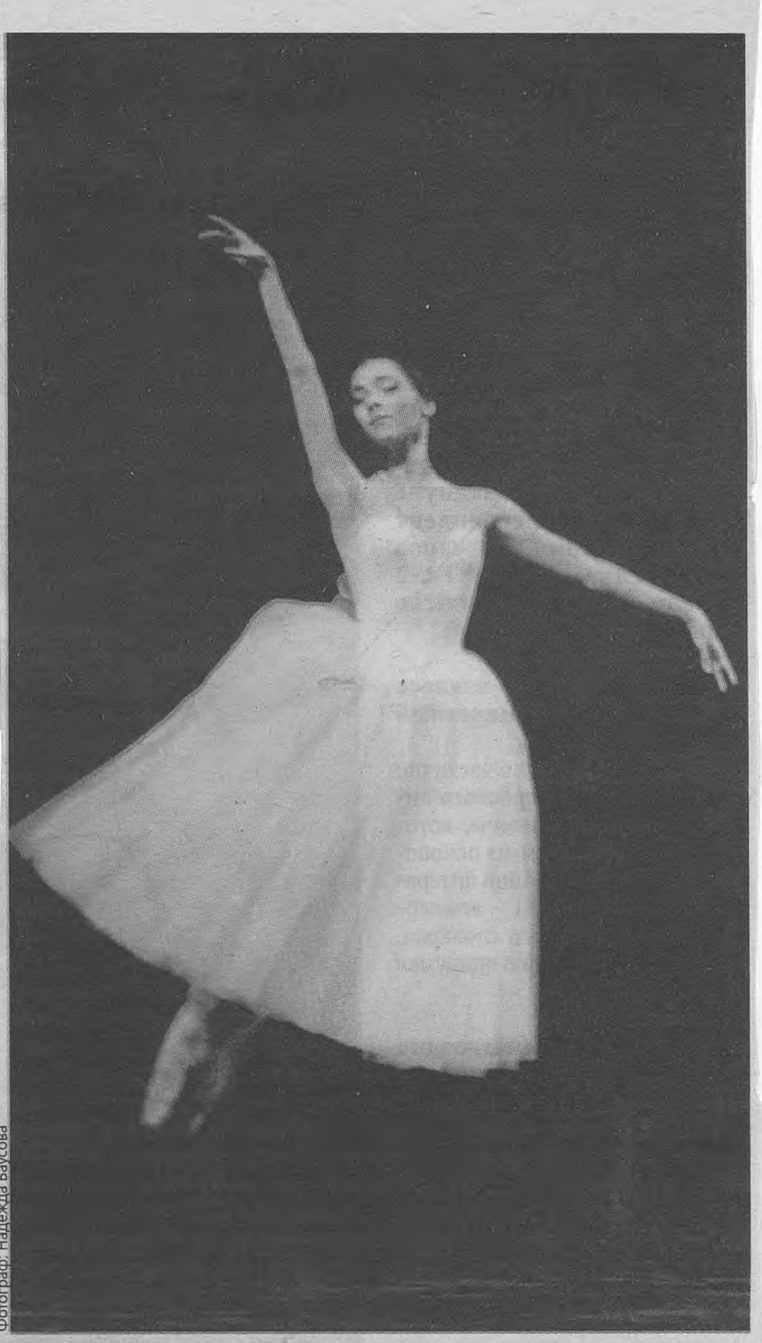
газета — с. 30



Фотограф: Надежда Баусова

Только что балерина Большого театра Анастасия Горячева исполнила роль Жизели в спектакле японской труппы «Очи-балет», одной из старейших и авторитетнейших балетных трупп в стране. А по возвращении блестяще дебютировала в труднейшей партии Елены в балете Джона Ноймайера «Сон в летнюю ночь». Накануне спектакля Анастасия Горячева поделилась своими взглядами на секреты балетной профессии с корреспондентом «Газеты» Ярославом Седовым.

Вы испытываете какое-то особое волнение, когда представляете за рубежом русскую балетную школу, или вы целиком поглощены ролью?

Конечно, в первую очередь я занята ролью, но нельзя сказать, что совсем не думаю об ответственности за русскую школу. В зарубежных выступлениях разница школ просматривается четко, тем эти выступления и интересны. Я чувствовала, что меня пристально рассматривают, вглядываясь в детали, и это подтягивало.

В то же время труппа Минору Очи очень тесно связана с русским балетом уже не первый десяток лет. Это одна из крупнейших балетных компаний Японии, здесь постоянно работают русские педагоги, среди них в свое время была еще Ольга Лепешинская. Сам господин Очи регулярно входит в жюри российских балетных конкурсов. Его жена Кумико Очи — прима-балерина мирового уровня, лауреат премии Анны Павловой Парижской академии танца — была в свое время победительницей Международного конкурса артистов балета в Москве. А Жизель я танцевала с их сыном Томонори Очи, победителем предпоследнего московского конкурса. Он первый раз выступал в роли Альберта.

Редакция спектакля сильно отличалась от наших?

Нет, лишь в деталях, не влиявших на концепцию главной роли. У меня к Жизели очень трепетное отношение. В Москве мне довелось исполнять обе редакции: и Васильева, и Григоровича, отличающиеся по стилистике. Но я опасалась того, что сегодняшняя балетная эстетика предназначает эту партию высоким балеринам с более длинными линиями, чем мои. И вот когда я готовила Жизель, то больше беспокоилась о том, чтобы игрой, «допеванием» танцевальных фраз создать впечатление более длинных линий танца.

Но Жизель — это еще и одна из сильнейших драматических ролей. Что труднее: входить в непривычные состояния или проявлять в роли себя?

В роли иногда можно выразить то, о чем не решаешься сказать в жизни. Слава богу, я не переживала такой трагедии, как Жизель, но прочувствовать ее состояние могу. Ролей, где я бы не могла найти ничего общего между мной и ролью, у меня, пожалуй, не было. Разве что в детском балете «Чиполлино». Никогда не была такой уж озорной девчонкой, приходилось себя заставлять. Сильфида подходит моему характеру, Маша в «Щелкунчике» — тоже, даже Лиза в «Тщетной предосторожности». Вроде бы комедия, героиня веселая. Но она задумывается о будущей жизни и в ней много разных качеств, которые только готовят-